

ЧИТАЕМ ДОМА

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ



КАК СЕРЁЖА
НА ВОЙНУ
ХОДИЛ

СКАЗКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА 1985

Как это случилось? Как произошло?

Шёл тихий ситный дождь. Его и глазом не видно, но если высунуть из окна руку, дождь слегка покалывал ладошку. Мокрые листья блестели. От тополей пахло горькой смолкой. А над дорогой курился пар.

Как это случилось? Как произошло!

Вдруг ударил гром, словно с неба на крышу посыпались большие камни и разлетелись в разные стороны: всё загрохотало, зазвенело. Сиреневая молния резанула по глазам и тут же погасла.

Серёже показалось, что дверь распахнулась и кто-то вошёл в комнату. Мальчик оглянулся — перед ним стоял Дед. Седая борода клинышком, густые усы, подпирающие нос, светлые глаза. Одет он был в военное.

Серёжа сразу узнал Деда, хотя раньше никогда не видел его.

— Я тебя давно жду, — сказал мальчик.

— Так ведь путь был долгим, — в оправдание себе сказал Дед, и Серёжа заметил, что гимнастёрка на Дede совсем выцвела, стала почти белой, а на запylённых сапогах сбиты каблукИ. — Чего ради ты меня ждёшь?

— Хочу с тобой на войну сходить. Ты дорогу туда знаешь.

— Знаю, — согласился Дед. — С закрытыми глазами найду.

Снова громыхнуло. На этот раз поодадь. И камни были помельче — не так сильно загремели по крыше.

— Не хотелось бы мне возвращаться на войну, — признался Дед. — Может быть, не надо?

— Нет, надо!

Дед посмотрел в глаза внуку и понял: не отступится.

— Ладно! — сказал старый солдат и глубоко вздохнул — Надо так надо. Портянки надевать умеешь?

— Какие ещё портянки? — Серёжа сморщил нос.

— Обыкновенные. Солдатские.

Дед достал две свежие тряпицы и ловко запеленал Серёже сперва одну босую ногу, потом другую. Ноги стали похожи на двух белых голубей.

— Теперь можно и сапоги надеть.

Сапоги были велики, и нога в них плавала. Но на детскую ногу военных сапог не шьют. И гимнастёрка — военная рубашка цвета жухлого сена — была не по росту, доставала почти до колен. Зато пилотка пришлась в пору и звёздочка заалела над переносицей.

Дед одел внука, оглядел его, остался доволен. И они зашагали на войну, благо дорога была хорошо знакома старому солдату.

Дождь прошёл, пригрело солнце, город задышал. Зазвучали голоса, откуда-то доносились обрывки песни. Как зелёная ракета, зажётся огонь светофора. Взрослые спешили на работу, дети бежали в школу.

А Серёжа с Дедом шли на войну.

Они миновали город и вышли на шоссе. А потом свернули на проселочную дорогу — неровную, изрытую глубокими колеями. Эта дорога шла полями, пробивалась сквозь лес, по старым заброшенным мостам пересекала реки. По ней никто не ездил и не ходил. Люди забыли, забросили ненужную дорогу. Но она не казалась мёртвой. Над ней звенели жаворонки, с гудом пролетали шмели, через дорогу прыжками перебегали лоси и на коротких ножках семенило семейство кабана. На деревьях, что росли на обочине, не жалея крепких клювов, со стуком трудились дятлы. Время от времени доносился голос невидимой кукушки, словно вещая лесная птичка отсчитывала, сколько километров пройдено и сколько ещё осталось пройти двум путникам — Серёже и Деду. Они шли туда, куда вела их старая дорога, — на войну.

Когда выходили из дома, Дед был озабочен и встревожен. Теперь его лицо стало спокойным и задумчивым.

— Неужели мы снова встретимся! — отвечая своим мыслям, воскликнул Дед.

— Ты это про кого? — мальчик с любопытством взглянул на Деда.



Дед как бы очнулся, оторвался от своих мыслей и посмотрел на Серёжу:
— Про своих

товарищей. Старшину Волкача вспомнил, Володю Савичева, чукчу Камыквалю. Сколько лет не виделись!

И он стал перечислять имена дорогих ему фронтовых друзей. Не всех сохранила память, но самые близкие жили, светились — не погасло их время.

— Теперь задача — отыскать нашу роту, — рассуждал Дед. — Помню, мы стояли у села Кадушкина. Но точно не скажу, отбили мы село у фашистов или только собирались отбить. Вот ведь память стариковская!

В солдатских сапогах шагать тяжело, не то что в кедах. Сапог велик и как бы дышит, а если прибавить шаг, звенит о камни железной подковой, прибитой, чтобы не сбивался каблук.

— Дед, я устал, — к концу дня пожаловался Серёжа.

— И я устал, — признался Дед. — Солдаты всегда усталые. Однако сделаем привал.

Путники свернули с дороги, углубились в лес. Серёжа как дошёл до разлапистой ёлки, так и повалился в мягкий зелёный мох, и тут же уснул. Ему ничего не приснилось, так крепко он спал. А проснулся оттого, что рука Деда легонько трясла его за плечо:

— Пора!

Серёжа вскочил и долго невидящими глазами смотрел на Деда: никак не мог взять в толк, где он и куда пора.

— Может быть, вернёмся... пока не поздно? — осторожно предложил Дед.

— Нет!

Серёжа сразу вспомнил, что он в походе, что идут они с Дедом на войну, на которой не был ни один сегодняшней мальчишка, и потому вскочил на ноги и поправил пирожок пилотки.

И вот уже звенят подковками солдатские сапоги и над дорогой дымком вьётся пыль.

— Зачем тебе война понадобилась? — на каком-то далёком километре спросил Дед.

— Хочу знать, как совершают подвиги.

— Герои! Подвиги! — в сердцах воскликнул Дед. — Это ведь жизни человеческой стоит!.. А знать, конечно, надо, — неожиданно согласился он.

Как это случилось? Как произошло?

Шли Дед и Серёжа на давно отгремевшую, давно отпылавшую войну. Шли по старой дороге, по которой когда-то катили пушки, и громыхали танки, и месила осеннюю грязь усталая неистребимая пехота, которую в народе любовно зовут «матушкой-пехотой».

Сколько дней и ночей шли Серёжа и Дед на войну, никто не считал, а сами они сбились со счёта.

— Когда же мы придём? — спрашивал мальчик.

И Дед устало отвечал:

— Не спеши. Ещё навоюемся.

Постепенно Серёжа привык к военному обмундированию. Сапоги стали легче, а воротник гимнастёрки уже не тёр шею. А когда он надевал пилотку, то звёздочка оказывалась точно над переносицей, как и положено. Лицо маленького солдата обветрилось, загорело, а голубые глаза посветлели, словно выгорели от палящего солнца.

Странные перемены происходили в пути и с Дедом. Его белая борода неожиданно порыжелела, а потом вовсе не стало бороды, хотя Серёжа точно помнил, что Дед не сбрасывал её. Остались только усы, да и те стали жиденькими — два рыжих пёрышка. А ещё совсем недавно белые густые усы подпирали нос. Глаза у Деда повеселели, шаг стал пружинистым, голос твёрдым. И шёл он бодро, поторапливал Серёжу — подавал команду:

— Шире шаг!

С каждым днём Дед становился моложе. И только для Серёжи он оставался Дедом.

Как это случилось? Как произошло?

Не только с Дедом и Серёжей происходили перемены на старой военной дороге. Всё вокруг неожиданно изменилось. Светило солнце. Зеленела трава. Небо было голубым. А птицы перестали петь. Откуковала, закончила свой таинственный счёт кукушка. Затаились звери. Всё замерло. Только между деревьями было видно, как мчатся составы кирпичного цвета с пушками, с танками, а из теплушек, из вагонов, в которых ездят солдаты, доносились обрывки печальных песен. Паровозы не гудели, только тяжело дышали на подъёмах.

Когда тяжёлая поступь военных эшелонов замерла, Серёже вдруг показалось, что они с Дедом одни в целом мире, а все люди, птицы, звери покинули родную землю. Серёже нестерпимо захотелось домой.



Он долго
крепился, но
потом не
выдержал и
подёргал за
рукав
помолодевшего

Деда: —
Вернёмся
домой, Дед!
— Поздно, —
ответил Дед, —
теперь уже
возврата нет.
— Почему

нет? — тревожно спросил мальчик.

— Мы уже на войне, — был ответ.

— Какая тихая война! — удивился Серёжа. — Я думал, всё вокруг грохочет, как гром. А на войне даже птицы не поют. Тихо.

— Да уж тихо, — сказал Дед и многозначительно посмотрел на Серёжу.

* * *

День был пасмурный, туманный. И в тревожной тишине мальчик услышал шаги. Негромкие, осторожные, как у охотника, идущего по следу. Серёжа огляделся и увидел солдат. Они шли цепью слева и справа. Он оглянулся— сзади тоже шли солдаты. А потом и впереди из тумана возникла цепь. Их серебристые, влажные от росы шинели то отделялись от тумана, то снова растворялись в нём. Солдат было много, и от их тихих шагов едва заметно вздрагивала земля.

Солдаты держали в руках длинные винтовки с примкнутыми штыками и смотрели вперёд. Серёжу и Деда они не замечали, а может быть, принимали за своих — большой солдат и маленький.

Серёжа посмотрел в лица идущих рядом и удивился. Он думал, что солдаты чужие, незнакомые, а идущие рядом были удивительно похожи на близких людей. И был один солдат похож на соседа Фёдора Фёдоровича, и был другой солдат похож на дядю Валю. А санитарка с красным крестом на брезентовой сумке была так похожа на маму, что Серёжа хотел окликнуть её, но в это время кто-то срывающимся голосом крикнул. «Воздух!»

И все солдаты сразу попадали в траву, залегли... почему-то.

Серёжа вопросительно посмотрел на Деда.

— Ложись! — строго приказал Дед.

— Там грязно, — заупрямился мальчик: он и в самом деле стоял в луже.

В следующее мгновение Дед сильным рывком бросил мальчика на землю и упал с ним рядом.

А в небе раздался надсадный рёв. Он приближался и становился всё сильнее. Казалось, небо стало железным и упало на землю, придавило всех, кто залёг, — даже головы нельзя было поднять.

Послышался грохот, словно кто-то бил по железному небу отбойным молотком.

Пересилив себя, Серёжа оторвался от земли и увидел совсем низко, прямо над собой, жёлтые крылья фашистского самолёта с чёрными крестами. И даже лётчика успел разглядеть фашистского. Он увидел красные огоньки, которые, сливаясь в одну огненную нитку, тянулись к тем, кто залёг на земле.

— Что это, Дед? — крикнул мальчик.

— Пули! — ответил тот и рукой сильнее прижал мальчика к земле.

А потом снова стало тихо. Так тихо, что ушам больно...

Серёжа встал, осмотрелся, а солдат не увидел.

— Где солдаты, Дед?

— Полегли, — мрачно ответил он и поправил шинель. — Побил их фашист.

Как появились солдаты из тумана, так и исчезли в тумане. Навсегда. Были — и нет их.

Но не все солдаты полегли. Оставшиеся в живых поднялись, отряхнули с шинелей землю и зашагали дальше тихим, охотничьим шагом. И на их синеватых штыках сверкало восходящее солнце.

А Серёжа стоял рядом с Дедом и внимательно всматривался в лица уходящих в бой и всё искал глазами соседа Фёдора Фёдоровича, и дядю Васю, и санитарку, похожую на маму. Но их не было.

И Серёжа почувствовал, как в сердце образовалась незнакомая пустота, и льдинка страха забилась в нём так сильно, что захотелось плакать. Но он подумал о тех, кто молча погиб от красных трассирующих пуль, и о тех, кто поднялся и не побежал назад, а пошёл в бой, — и не позволил себе заплакать. И долго ещё вспоминал родные лица тех, кто молча шагал рядом с ним.



* * *

Как это случилось? Как произошло?

Вышли они в поле. Дед долго осматривался, что-то прикидывал, потом выбрал место у одинокого развесистого вяза и сказал:

— Здесь будем укрепляться.

— Крепость строить? — спросил мальчик. — А где взять камни?

— Зачем камни? — отозвался солдат. — Нас земля защитит. Четыре стены, а вместо крыши — небо. Окоп называется.

— А если пойдёт дождь? — поинтересовался Серёжа.

— Наденем плащ-палатки. Вот и вся крыша... солдатская. Бери лопату!

Дед поплевал на руки и взял в руки большую лопату.

И Серёжа поплевал на руки и взял лопату поменьше — малую сапёрную, так она называется по-военному.

И они стали рыть окоп. Земля была плотная, лопата резала её ломтями. У Деда ломти были ровные и увесистые. А у Серёжи тонкие и часто рассыпались.

— Бери на полный штык! — командовал Дед.

Но «полный штык» не получался у мальчика. К тому же, он натёр руки.

А Дед был неутомимым: помолодев и став снова солдатом, он мог копать без усталости. В дороге Дед жалел Серёжу, а помолодев, разговаривал с ним, как с равным:

— Сам захотел узнать, что такое война. Теперь терпи. Война требует терпения.

Солнце село за линию фронта, когда Дед сказал:

— Будет!

И воткнул лопату в землю.

У Серёжи болели стёртые руки и от непривычной работы ломило всё тело. Он постелил на дно окопа шинель, свалился на неё, свернулся калачиком и заснул. Обычно он засыпал медленно и неохотно. Да ещё требовал, чтобы ему почитали. На войне он заснул сразу.

* * *

Как это случилось? Как произошло?

Серёжа лежал на дне окопа с открытыми глазами и смотрел на небо. Сердце его стучало часто-часто, словно он и на самом деле только что бежал.

Было тихо — так тихо бывает только на войне. Над Серёжей светились звёзды. И казалось, что там, в вышине, раскинулся огромный город и



множество огней освещают его дома и улицы.

Взвилась зелёная ракета и, не долетев до звёзд, погасла. Где-то слева — как говорят военные, «на левом фланге» — дробно заработала железная машинка — пулемёт. И снова тихо.

Война затаила дыхание.

И вдруг мальчик услышал шорох. Он привстал и выглянул из окопа. Прислушался, присмотрелся. Неподалёку вздрагивала высокая трава. Кто-то полз прямо к окопу. Кто? Друг или враг?

— Дед! — мальчик энергично потряс спящего солдата за плечо.

— А? Что? Тревога? — пробормотал Дед. И сон как рукой сняло.

— Кто-то ползёт, — шепнул Серёжа.

Дед подхватил лежащий рядом автомат и выглянул из окопа. Некоторое время он, как говорят военные, изучал обстановку. И вдруг тихо, но строго, крикнул во тьму:

— Стой! Кто идёт?

И для острастки лязгнул затвором автомата.

Трава сразу перестала вздрагивать, замерла.

— Стрелять буду! — с угрозой в голосе предупредил Дед.

И тут от земли отделились три фигуры. И густой голос спросил:

— Это ты, Манюшин?

— Он самый! А ты — старшина Волчак, как я понимаю?

— Волчак и есть. Со мной Володя Савичев и Камыкваль. Помнишь новенького с Чукотки?

— Давайте ко мне! — пригласил друзей Дед.

И трое солдат в маскировочных халатах, скрывающих их от зорких глаз врага, пригнувшись, подбежали к окопу и попрыгали вниз.

Друзья обнимали друг друга, хлопали по плечам. Радостно улыбались.

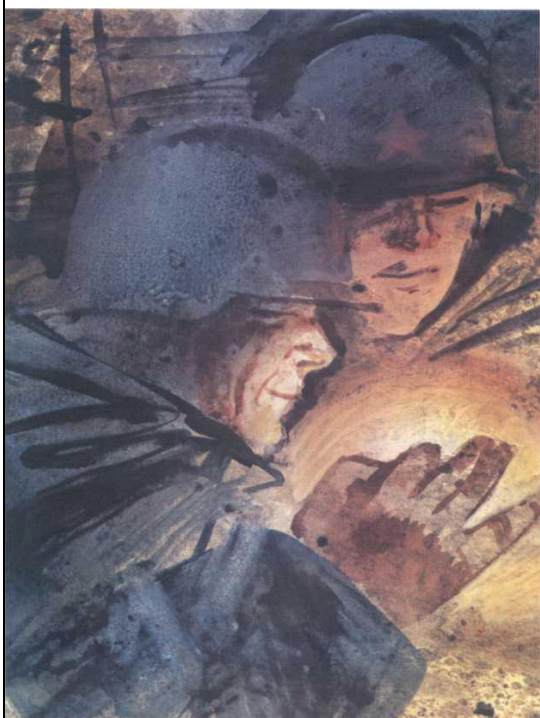
В окопе стало тесно. От ночных гостей пахло махоркой, кожей, ружейным маслом. И ещё от них пахло травой и землёй.

— Как твоя маманя, Володя Савичев? — спрашивал друзей Дед. — А ты, Камыкваль, письма с Чукотки получаешь?

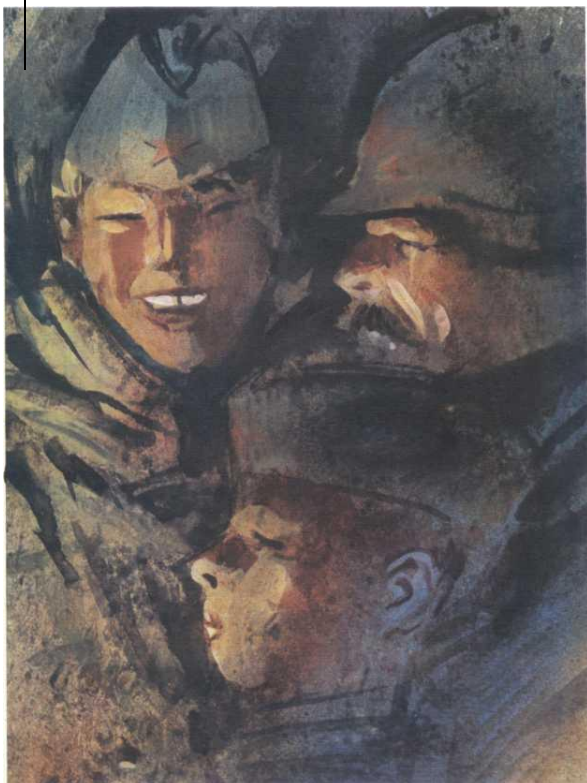
— Приходит почта... мало-долго.

И тут старшина Волчак спросил Деда:

— Ты-то как здесь очутился? Ведь тебя убили...



— Внук потребовал, чтобы я его на войну сводил. Пришлось подняться. Знакомьтесь.



С этими словами Дед подтолкнул вперёд Серёжу.

— Молодец, сеголеток! — похвалил Серёжу старшина Волчак. — Смотри и запомни, какая она — война. А то все мы погибнем, некому рассказать будет про нас. Верно?!

— Верно-то верно, только пуля-дура не разбирается, где взрослый солдат, а где малец. Тебе не страшно? — спросил Володя Савичев Серёжу.

— Нет! — ответил мальчик. — Только когда солдаты полегли, страшно было.

— Это всегда страшно, даже не таким, как ты, — согласился с мальчиком старшина Волчак.

Все помолчали. Послушали тишину. И тут старшина спросил Деда:

— Что же ты окоп на ничейной земле выкопал?

— Не сориентировался, — ответил Дед. — Решил, что село Кадушкино наше, а оно оказалось у фашистов.

— Отобьём Кадушкино у врага, — твёрдо сказал старшина. — Сейчас разведаем огневые точки... Ну, друг, нам пора. Счастливо оставаться!

— Я с вами! — решительно сказал Дед.

— И я! — подхватил Серёжа.

— Отставить! — скомандовал старшина. — Манюшин пойдёт. А ты, сеголеток, останешься в окопе.

— Подождёшь на берегу, да? Пока мы вернёмся, да? — сказал чукча Камыкваль, хотя здесь никакого берега не было.

— Вперёд! — прозвучала тихая команда старшины.

Четыре разведчика перевалились через бруствер окопа и слились с тёмной ночью. Словно их и не было.

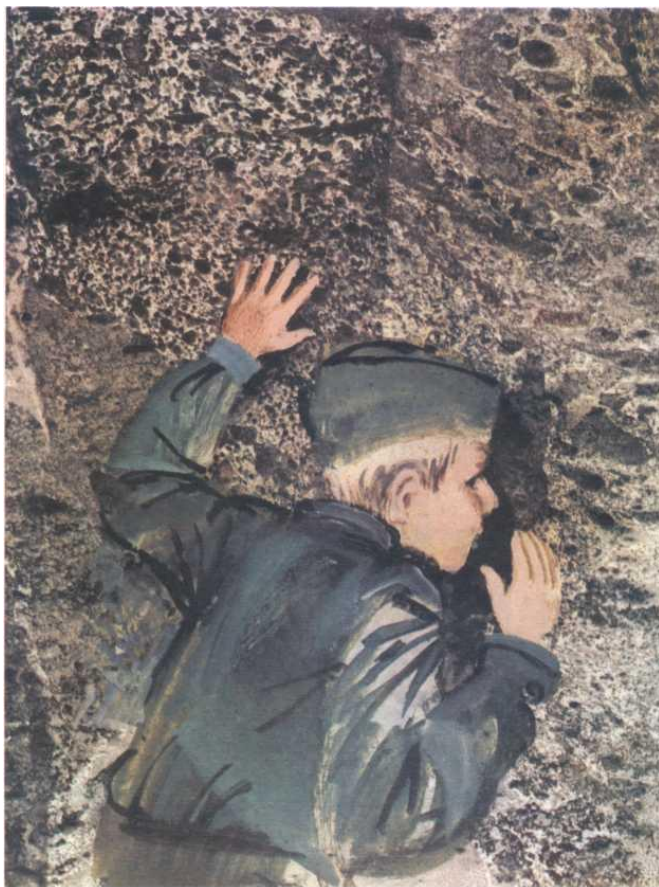
Серёжа остался один.

* * *

Так это случилось! Так это произошло!

Всю ночь Серёжа ждал возвращения Деда и его боевых товарищей — старшину Волчака, Володю Савичева и новенького Камыкваля.

Глаза слипались, и несколько раз мальчик засыпал стоя, но солдатский сон короткий — Серёжа тут же просыпался, всматривался в мутную тьму туманной ночи и прислушивался.



Сырой ветер касался его лица, а над головой неподвижно стояли звёзды, словно внимательно наблюдали за тем, что происходит с четырьмя разведчиками.

На рассвете Дед вернулся. Без товарищей. Один.

Выплыл из тумана, с трудом перевалил через бруствер, упал на дно окопа и долго лежал без движения. Серёжа заметил, что рукав дедовской гимнастёрки был тёмным от крови. И вспомнил санитарку, похожую на мать.

Дед лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал, ему не хватало воздуха. Серёжа стоял над раненым и всё не решался заговорить. Он никогда не видел Деда таким бледным и бессильным, не знал, как помочь раненому солдату. Никто не научил его этому.

Наконец Дед нашёл в себе силы и оторвал голову от земли.

— Наши все полегли, — хриплым голосом сказал он и тихо застонал от боли. — Сперва на мину наткнулся старшина Волчак. Так рвануло, что костей не соберёшь... Потом обнаружил себя Володя Савичев. Фашист дал длинную очередь. А ему одной пули хватило. Дальше мы поползли вдвоём с Камыквалем. Долго ползли. Всё село Кадушкино исползали по задкам. Все огневые точки нанесли на карту. А когда возвращались... фашист три мины выпустил. Камыкваль у меня на руках умер. «Да-алеко-долго до Чукотки», — прошептал и отошёл... Мне тоже осколок



достался от тех трёх мин. Плечо, надо думать, перебито...

Дед прижался щекой к земле окопа. Затих.

— Дед, а умирать на войне больно? — неожиданно спросил Серёжа.

— Умирать везде больно, — не открывая глаз, ответил Дед.

— Как же они терпели?

— Тут выбора нет... Я всё думаю, напрасно ты на войну пришёл.

— Не напрасно, — через силу ответил мальчик.

— Посмотреть войну и в кино можно. Здесь не смотрят — всё на себе

испытывают.

Дед замолчал. А Серёжа стоял рядом, смотрел на раненого Деда и думал. Значит, и его будет испытывать война? Значит, и ему будет больно? Как Деду?



— Болит? — тихо спросил Серёжа, хотя сам видел, что болит.

— Не в этом дело, — сказал Дед. — Надо доставить в полк разведданные. А сил, сам видишь, нет.

Он уронил голову и закрыл глаза. И Серёжа слышал, как Дед скрипнул зубами, чтобы не застонать от боли.

— Я сбегая в полк, — неожиданно предложил мальчик.

Но Дед покачал головой:

— Туда так просто не сбегашь. Всё простреливается. Я бы не пустил тебя, да выхода нет. До рожицы доползёшь, а там деревья тебя скрют. Вот разведданные. За них три моих товарища жизнь свою отдали.

С этими словами раненый солдат протянул Серёже клочок бумаги.

Серёжа сжал бумагу с таинственным названием «разведданные» и легко выбрался из окопа.

Он был маленьким, худым и полз, прижимаясь к земле и извиваясь, как ящерица. Высокая трава смыкалась над ним. От росы гимнастёрка стала мокрой, а сапоги блестели.

Временами мальчик слизывал с губ холодные капельки росы. Несколько раз над ним свистели пули, и тогда Серёжа замирал. И снова полз вперёд.

Так он добрался до рожицы и, лишь когда деревья обступили его, скрыли от глаз врага, встал и зашагал в сторону полка.

Серёжу долго не пускали в штаб: думали, нечего там делать мальчишке. Но он твёрдо стоял на своём и в конце концов начальник караула провёл его к командиру.

— Кто такой?! — строго спросил командир, разглядывая мокрого от росы мальчонку в военной форме.

— Сергей Манюшин! — по-военному доложил мальчик.

— Допустим, — сказал командир. — И откуда ты такой взялся?

— У нас с Дедом окоп на ничейной земле! — ответил мальчик. — Я принёс разведданные.

— Разведданные? — командир сразу поднялся с места. — А где старшина Волчак, где Володя Савичев, где Камыкваль? Знаешь?

— Знаю, — ответил мальчик. — Погибли смертью героев. А Дед ранен.

— Какой ещё Дед? — сухо спросил командир. Он был опечален смертью своих разведчиков.

— Солдат Манюшин, — ответил Серёжа.

— Так он месяц, как погиб. — горько усмехнулся командир.

— Он пришёл со мной, — стоял на своём мальчик.

— С того света, что ли? — всё ещё не верил командир Серёже.

— Оттуда, где нет войны, — сказал мальчик.

Но командир взял бумажку с разведданными, положил на стол, расправил её ладонью. И сразу все командиры подошли к столу и склонились над бесценным клочком бумаги, который стоил трёх солдатских жизней.

* * *

Как это случилось? Как произошло?

Солнце стояло прямо над окопом, и окоп раскалился, как печь. А выйти из этой печи нельзя — враг близко.

А у двух солдат, большого и маленького, была одна фляга с водой на двоих. Фляга алюминиевая, в брезентовой рубашке, с нарезной пробкой, которая завинчивалась. И воды в ней было не более половины.

То Дед попьёт, то внук утолит жажду, а вода не кончалась.

И вдруг мальчик заметил, что после Деда вода не убывает: раненый не пьёт, только прикладывает горлышко фляги к губам — бережёт воду для него, для Серёжи. И Серёже стало стыдно, что он пьёт, а раненый терпит, хотя губы его пересохли и потрескались. И когда Дед снова протянул флягу, мальчик не сделал ни глотка, только поднёс алюминиевое горлышко ко рту и подышал водой.

И хотя жажда мучила его и пить ему хотелось ещё больше, он вдруг почувствовал радость. Значит, он может терпеть, хоть это очень

трудно, может приказать себе и выполнить приказ. Он завернул пробку, вытер рот тыльной стороной ладони, как делают, попив всласть водицы, и вернул флягу Деду.

Как это случилось? Как произошло?

Солдатский окоп превратился в маленькую крепость. Весь гарнизон крепости состоял из двух человек — Серёжи и Деда. И возникла эта крепость в поле, на ничейной земле, между своими и врагами, как между небом и землей.

На третий день враги обнаружили странный окоп у себя под носом и начали обстреливать его из орудий. Земля загудела, задрожала, заходила. То спереди, то сзади земля с кустами, травой, камушками взмывала вверх и тяжело опадала, словно пыталась засыпать окоп и его обитателей.

А на месте взрыва образовалась чёрная воронка, и от неё пахло горелым.

Один из разрывов повалил могучий ясень, что рос рядом с окопом. Дерево шумно упало, потрянув листвой и опростав могучие корни, которые замерли над окопом, как щупальца огромного чёрного спрута.

Наконец, решив, что от маленького дерзкого окопа ничего не осталось, враги прекратили огонь.

А Серёжа, оглушённый взрывами, бледный и измученный, всё жался к Деду, всё искал у него защиты.

* * *

Прошёл ещё один день и ещё одна ночь.

Раненый Дед метался в жару и просил пить. Теперь Серёжа нёс службу за двоих: за себя и за Деда. Он наблюдал за тем, что происходит на переднем крае.

Было тихо. Курился синеватый туман. Роса была крупной и тяжёлой, как дробь. А вокруг окопа зияли чёрные воронки. И, глядя на истерзанную землю, Серёжа вдруг пожалел её, словно она, земля, была существом живым и страдала от ран и ожогов.

Серёжа поднял глаза и увидел обожжённые огнём алые облака. Казалось, они проплывали над жерлом вулкана. Но никакого вулкана не было. А было горящее русское село Кадушкино. Подождённые снарядами, горели избы, сараи, колодцы. Вся земля горела под Кадушкином. От этого военного огня облака и стали алыми.

* * *

Как это случилось? Как произошло? Впереди окопа показался танк. Был он сперва маленьким, безобидным и гудел, как шмель. Но с каждой минутой танк становился всё больше. Казалось, он рос на глазах. Мотор грозно ревел, гусеницы лязгали железом. А на броне стали различимы чёрные кресты. Он тяжело взбирался на пригорки и со скрипом скатывался вниз. Его длинная пушка угрожающе покачивалась, словно ждала удобного момента, чтобы выстрелить. Фашистский танк шёл на

маленькую солдатскую крепость — на окоп, дерзко вырытый на ничейной земле.

Серёже вдруг стало не по себе — в сердце забились тревожная льдинка страха, и мальчик упал на дно окопа рядом с притихшим Дедом.

— Ты что? — спросил раненый.

— Дед, мы погибаем! Дед, пришёл конец! Танк ползёт на нас!

Солдат с трудом поднялся, навалился грудью на переднюю стенку окопа и стал наблюдать за приближающейся громадой. Не отрывая глаз от танка, он сказал Серёже:

— Времени мало. Потому не переспрашивай, а слушай и запоминай. Этот танк хочет обойти наш полк слева и неожиданно ударить с фланга. Но я помогу своей роте, раз уж пришёл на войну.

— Дед, он же раздавит тебя!

— Если так рассуждать, никогда не победишь врага, — сказал Дед.

И он достал из ниши, вырытой в стенке окопа, гранату, похожую на большую консервную банку.

— Разве гранатой его остановишь?! — безнадёжно произнёс Серёжа.

— У меня кроме гранаты ещё кое-что есть, — сказал Дед.

— Что это за «кое-что»? — спросил мальчик.

Но Дед не ответил на его вопрос. Он спешил сказать ему главное.

— Если я не вернусь, пойдёшь домой один. Это мой приказ!

Дед хотел ещё что-то сказать, но грохот фашистского танка заглушил его голос. Земля дрожала. Приближающийся танк становился всё больше, всё громадней. Был он уже величиной с паровоз, а может быть, с дом. Так казалось Серёже. Гусеницы безжалостно перекапывали нежную землю. Пушка зловеще покачивалась. Льдинка страха всё сильнее билась в сердце мальчика.

Но когда Дед пристально посмотрел в глаза внуку, льдинка исчезла, растаяла. И Серёжа сказал:

— Можно, я с тобой?

Он сказал громко, но грохот надвигавшегося танка был сильнее, и Дед не услышал просьбы внука. А может быть, и услышал, но не захотел напоследок сказать «нет».



Он собрался с силами. Стиснул зубы, чтобы заглушить боль перебитого плеча. Потом выбрался из окопа, перевалил через бруствер и, прижимаясь к земле, пополз навстречу ревущей громаде.

Отчаяние охватило Серёжу. Он хотел было броситься за Дедом, но в это время на конце длинного ствола пушки ослепительно сверкнуло рваное пламя, прогремел выстрел. И совсем близко от окопа разорвался снаряд. Воздух стал плотным, почти твёрдым. А он с трудом поднялся на ноги, ему на голову и на плечи посыпались комья земли.

Танк был совсем близко.

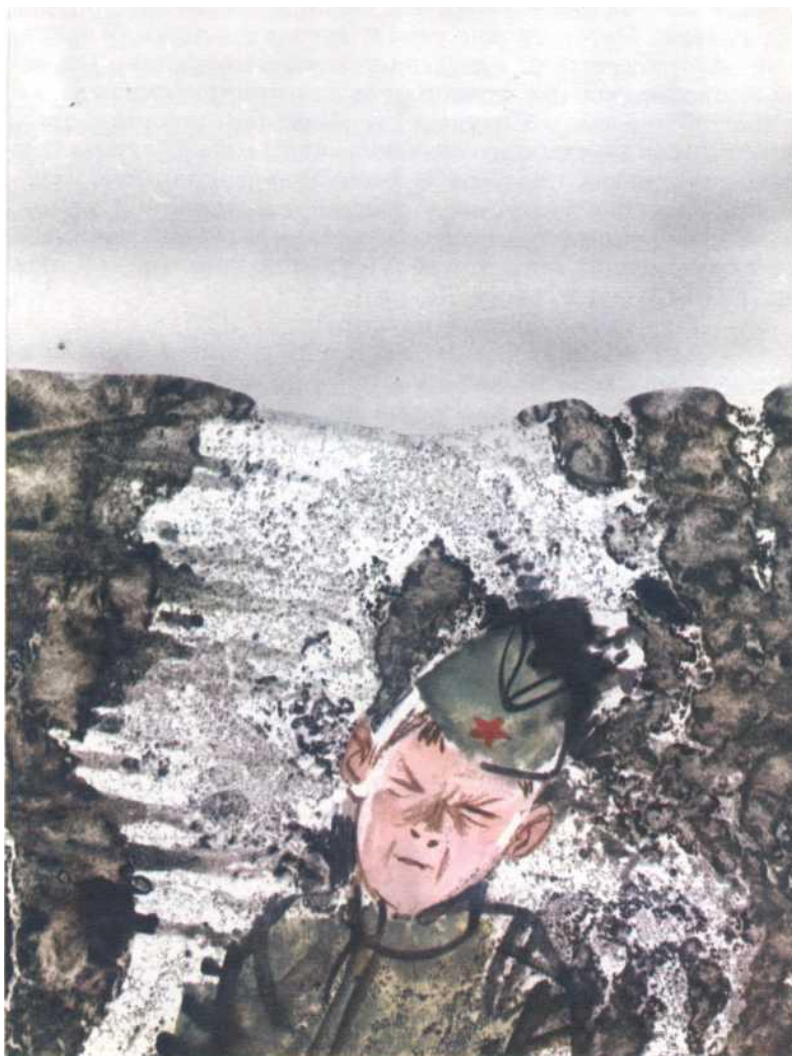
Серёжа увидел, как рядом с огромным танком возникла маленькая и на вид слабая фигура Деда-солдата. И в следующее мгновение что-то грохнуло. И танк, скрежеща, завертелся на месте, как подбитый зверь. Чадающее облако окутало громадину. А потом в чёрном облаке забилося чадающее оранжевое пламя.

Фигурка солдата исчезла.

И тогда Серёжа закричал, на всю ничейную землю закричал:

— Дед!.. Дед!.. Дед!..

Фашистский танк замер. Он горел, как деревянный. К небу поднимался столб дыма.



А потом всё кончилось. И только с того места, где стоял танк, к небу поднимался столб дыма и чёрной сажей пачкал проплывающие облака.

Дед не возвращался. Серёжа выбрался из окопа и побежал к догорающему танку.

Огромный танк был чёрным и безжизненным. От него тянуло душным жаром, обжигающим лицо. Краска обгорела, и остов танка покрылся окалиной. Словно тяжёлую машину запихнули в огромную печь и огонь съел всё, что в ней было и живого и

смертоносного. Осталась одна оболочка — безопасная и жалкая.

Но никакой печи не было. А был невысокий рыжеватый солдат, Серёжин Дед, который не побоялся, встал на пути ревущей стальной громады с гранатой в руке. Правда, кроме обычного оружия потребовалось ещё кое-что: отважное сердце, которое взорвалось вместе с гранатой.

В нескольких шагах от танка Серёжа увидел Деда.

Он лежал на земле, раскинув руки, и неподвижными глазами смотрел в небо. Лицо его было спокойно, словно умирать ему было совсем не больно. Только из молодого он снова превратился в старого: появилась белая борода клинышком, а на месте двух рыжих пёрышков оказались густые усы, подпирающие нос. В этом страшном коротком бою солдат прожил целую жизнь и состарился.

— Дед!

Серёжа стоял на сожжённой земле и не сводил глаз с Деда, словно старался получше запомнить его. Слезы текли по обветренному лицу мальчика, и он смахивал их жёстким рукавом гимнастёрки.

А может быть, Дед жив? Просто ранен?

Серёжа опустился на колени и прижался ухом к груди Деда в надежде услышать хотя бы слабый звук. Но под гимнастёркой у старого солдата было тихо.

И вдруг он почувствовал едва заметные удары — это в груди Деда отдавалось биение Серёжиного сердца. И мальчик решил, что у них с Дедом одно, общее сердце.

Серёжа поднялся с земли. Но был он уже не прежним Серёжей, а превратился в бойца, стойкого на всю жизнь.

Он огляделся: фашистского танка не было — вместо него на земле возвышалась горка пепла.

А Дед лежал рядом, как живой. Солдат, заснувший после трудного боя. Но его слова звучали в сознании мальчика: «Ты хотел знать, как совершают подвиг... Это ведь жизни человеческой стоит».

* * *

Как это случилось? Как произошло?

Пришёл Серёжа на войну с Дедом, а домой возвращался один.

Шёл по развороченной танками фронтовой дороге, мимо палаток медсанбатов, от которых доносился жутковатый дух лекарства. Шёл мимо военно-полевых пекарен с родным, тёплым запахом хлеба — запахом жизни. Бойцы попадались ему всё реже, а потом их совсем не стало. Теперь Серёжа шёл мимо заброшенных окопов и землянок, по бывшей ничейной земле, навсегда ставшей нашей. И на этом военном пути всё было пройденным, пережитым, бывшим.

Шёл Серёжа один, а ему казалось, что Дед идёт рядом и подковки дедовских сапог нет-нет — да звякнут о камень.

Он не заметил, как запели птицы, застучал дятел и вещая птичка кукушка начала отсчитывать годы мира.

А потом старая безлюдная дорога войны затерялась среди деревьев, полей и селений.

Из прошлого Серёжа вернулся в наш день.

И ничего, кажется, вокруг не изменилось. Только в груди мальчика теперь билось, набиралось сил и крепло сердце, способное в нужный момент взорваться и остановить любого врага. Билось сердце Деда!

